

Занятие №30.

Повседневный застольный этикет кубанских казаков.

Прием пищи, это неоднократно ежедневно проводимый ритуал в жизни каждого человека. В основе этого ритуала лежит не просто естественная потребность в пище, но и сложившиеся стереотипы поведения. Естественно, что немало важную роль играет и система ценностей. Ведь как мы едим, так мы и относимся к пище, а это отношение уже предопределяет отношение к труду, результатом которого является “хлеб насущный”.

В зимний период, когда утренний подъем членов семьи был не таким ранним, как летом, казаки ограничивались трехразовым питанием (завтрак, обед, ужин). В весенне-летний период, казаки вставали в 4 часа утра, и завтракали в 6-7 часов, что было обусловлено различными видами сельскохозяйственных работ, которые к тому же требовали больших физических усилий. Поэтому, примерно в 4 часа дня казаки “полудничали” - “три как обязательных и полуденный”, но “полуденная” пища отличалась простотой: хлеб, молоко, пирожки, узвар. Если семья была небольшая, и не было свободных рук для приготовления пищи в поле, то обедать возвращались домой: “В обид сходилася вся симья обидать до дому, приижалы, если на стэпу. Цэ варыть стали уже як старший брат ожэнывся, так жина тоди на стэпу варыла йисты”.

За “обязательными” приемами пищи должна была собираться вся семья. Однако, во время сельскохозяйственных работ, когда “день - год кормит”, хозяин мог и задержаться: “Было так, мужчину покормить, я должна сидеть за столом. Сижу, подала. И даже если мы пакушали, он позже пришел, все старались то организованно, ждали ево. А если нет, то я должна сидеть пока он поест, убрать” (АК№3571).

В качестве наказания детей мог выступать и отказ в пище, однако это было крайне редким, и могло проявляться частично: “У нас батько був грубый, а шоб прынымав меры принуждения - нэ було цёго у нёго [...]. Батога нэ давав вин, а кажэ: “Хто будэ шалить - буду пайку уменьшать второго”.

Ну, а о случаях отказа в пище старикам, вообще не приходится говорить: “Еси вин [дед] тилько пийдэ пожалица, шо йисты не дадут, так того как вызовут, та как дадут, ого. Вот в правление, к атаману. Атаман той вызовэ його: “Ты што сукин сын, батько тоби выкормыв, а ты не помнишь?”. И плетей дадут, выпорють його: “Дайте йому, шоб вин батько кормыв”. [...] А мать, то просто сусидам скажэ, што там не кормят, сусиды посрамят: “Не стыдно, мать ны кормышь”. Это мало до правления доходэ. Тада люды, общество, сусиды: “Што ш ты мать ны кормышь!”” .

Прием пищи регламентировался и запретами. Например, нельзя было есть во время грозы, во время прохождения похоронной процессии. Строго запрещалось нерегламентированно кушать вне дома/кухни: “Никада мы с кускамы нэ ходылы по двору или по улице”; “Тада куски не растягивали. Паел, будь добрый жди абеда”; “Проголодався, пирошкы булы, но йишь там на кухни, в хати.

Как видно из примеров, что в таких случаях пища получает иную “нечеловеческую” номинацию - “кусок”. Наиболее жесткий запрет касался потребления пищи на огороде: “Нызэ йисты на городи, всэ чирвяк зъист” .

Стол в жилище кубанского казака может выступить вообще отдельной темой исследования, так как он стоит в одном ряду с такими центрами “своего” пространства как Святой угол, печь. Со столом связано большое количество представлений и запретов: нельзя сидеть на столе, класть на него шапку, передавать через стол ребенка, сметать крошки голой рукой, оставлять на нем на ночь нож и многие другие. Объяснением этому может служить отношение к столу носителей традиционной культуры: “Стол, это как престол”

Соотнесение стола с престолом в церкви регламентирует все поведенческие нормы и правила сидящих за ним членов семьи (“Считается грехом стучать по столу, за которым едят, и тем, которые это делают, говорят: “Не бей стол - стол “божья ладонь””).

Из внешних проявлений можно отметить, что в отличие от праздничных застолий, в будние дни при трапезах стол не покрывался скатертью/настольником.

Важнейшим в застольном этикете кубанских казаков является порядок рассаживания членов семьи за столом. Дед/отец имел строго определенное место, во главе стола в Святом углу: “Ево место было са Святова угла”; “У него свое место, мы вже знаем дэ дедушка сидыть, вин же и нэ будэ йисты”; “Батькови мисто однэ, а мы дэ попалы, дэ хто сив”.

Порядок рассаживания остальных членов семьи в первую очередь зависел от того большая семья или малая. В малых семьях за стол садились все члены семьи: “Папа сидае у торцах, мама билиа их, а мы так.

В большой семье бытовало несколько вариантов: прием пищи поочередный - мужчины-женщины: “Сперва садились за стол мущины. А патом уже женщины, а последнюю очередь дети и невестки”; “Мущинов вперёд пасодят, а патом бабы садыца йидят, так было”.

Другим вариантом мог быть смешанный (при этом могли рассаживаться члены семьи смешанно, либо с одной стороны стола мужчины, с другой женщины), но для детей отец изготавливал маленький круглый столик - “сырно”, за которым они кушали отдельно. Необходимо сказать и о том, что “сырно”, в большей степени, было распространено на территории бывшего Черноморья, реже упоминание о таком столике встречается в Закубанье. В черноморских станицах летом, когда могли кушать на дворе, использовалось “сырно” и взрослыми, но оно было больших размеров: “Воны там сыдыть [на подворье] за сырном уси. А там значить так було - дедушка, бабушка, тры сына жинатих з нэвистками, и четыри дочкы. О цэ воны сыдыть уси, йидять, а другэ сырно - сыдыть диты”; “Вси сидалы, и батькы и сыновья, а як у нас диты пишлы, тоди вже диты началы отдельно йисты, а стари отдельно”; «Детей отдельно, а все такие што взрослые, работают, эти на одном столу” .

В линейной традиции, если позволяла длина стола, детей могли сажать за стол: “Все гуртом садились и дети, и взрослые, все гуртом; “Вот стол большой, и памещались все. Вот дети садыца в адном краю, а там старшие”, или так же за отдельный столик. Зафиксирован ряд случаев, когда детей вообще кормили на полу: “Тада стол такой был, посадыца все, а детей атдельна. Вот такой, звали джжничок, как настольник, прастелют, паложат им там что кушать.

Детей в возрасте до 2-3 лет матери кормили заранее, чтобы они не отвлекали от общей трапезы: “Ну, сразу, прежде садыца за стол, их накормит мама и все, ани уже играют. Ну а что двух-трехлетнему рыбенку делать за сталом?”.

Ухаживала за столом назначенная невестка или младшая невестка, которая ела либо после того, как окончится трапеза, либо с детьми: “А мене места никада не было, я так, где-нибудь прилеплюсь да дитей, я ж самая меньшая, моложая невестка была”; “Старыки, тоже душ восимь сидают отдельно йидят. А подносэ нивистка, мама ныколы нэ встанэ”.

Приведенные порядки рассаживания членов семьи за стол полностью соотносятся с обозначением А.К.Бабурин и А.Л.Топоркова данного явления как “наглядная модель половозрастной социальной стратификации”.

Перед тем как сесть за стол все обязательно мыли/банили руки, а перед завтраком: «Еси ны умыеся и ны помолыся Богу – йисты не дадут»

Женщинам запрещалось садиться за стол, если она без головного платка.

Глава семьи читал молитву, после чего все, перекрестившись, садились на лавки: “Памолица атец, и ани стоят все, а патом садыца”.

Все участники трапезы разбирали свои ложки. Изготовление деревянных ложек возлагалось на главу семьи, поэтому ложки были “меченные” (бороздки на ручке) или отличались по размеру, форме ручки: “Были даже меченные. Я свою лошку должен знать. Эта я ишо дитём был”; “Каждая ложка выделуется вотдельно, таки же та довенька, дедушкина большая, случае чего там по лоби можно получить ложкой. Батькина самая большая, старшая”.

Есть чужой ложкой запрещалось, особенно ложкой отца: “Толька сваей лошкой ешь, патаму-то заеды будут”.

Такая связь между членом семьи и его ложкой прослеживается и в запрете: “Ножик с лошками никада нельзя класть, никада в семьях дружбы не будет”. Хлеб за столом резал мужчина глава семьи, предварительно перекрестив его ножом. При резании хлеба нельзя его переворачивать - жизнь перевернешь. После того как хлеб был разрезан, отец раздавал его всем сидящим за столом. Особое внимание придавалось хлебным крошкам: “Крошечка упадёт, а мы па ей будем ходить, а это хлеб Иисус Христос, тело Христово”.

Крошки глава семьи бережно собирал и либо съедал сам: “У нас папа все крошечки саберёт, ни одной крошечки нигде не астанеца, в ладошку и в рот положил”, либо отдавал кому-то из детей: “Одризав, каждому по куску поклалы хлиба, а ти крихоткы от так пощипалы, пощипалы: “Ну, кому?”. И Павлыку там поклалы на хлиб, а той сразу в рот и поив, нидэ крошечкы. Цэ як награда, поощрение”.

Таким же “поощрением” выступал слипушек/злэпок и горбушка (натки из теста): “Парезал куски, а я знаешь: “О, Маруське слипушек даешь, а мне мякушек”. Кажный старался захватить слипушек”.

Розданный хлеб необходимо было доесть до конца: “Детям говорили: “Вот недоешь, а кусок хлеба будет гоняться за тобой ночью””.

Вечером старались не начинать новой булки, однако если и начинали, но краюшку отдавали детям (если съест хозяин или хозяйка, то их телята “будут блудить”). К особо значимым элементам будничной трапезы можно отнести соль. При отсутствии соли на столе глава семьи мог вообще не приступить к обеду: “Нивестка молодая была, ну а дед сидит, и ни йисть: “Хай паймет чиво”. И пока не поставила, никто не ел”.

По известной пословице - “Недосол на столе, а пересол на спине”, глава семьи мог наказать всех членов семьи: “Сварышь борщ, ан недасолёна, грит [дед невесткам]: “Гапка, ты салила борщ?”. Ана: “Салила”. Он: “А ты Санька салила?” - “Салила”. “Ну и я, - грит, - пасалю”. Пересалил всё, и гаварит: “Ну и ешьте все, и я поем”. И не вазражали”.

В соль запрещалось макать яйцо, так как считалось, что во время тайной вечери Иисус Христос предсказал предательство, и назвал предателя того, кто макал яйцо в соль, коем был Иуда.

Наличие на столе тарелок зависело от достатка и количества членов семьи. Наиболее распространенным было общее употребление первого блюда с одной чашки всеми членами семьи, в частности, если кушали за “сырном”. В других случаях опять же учитывалось число “едоков”: “Подалось у некоторых в одной миске. Но стол большой, 2-3 миски первое наливалось, штоб ближним доставать. Детям особо, если нас челавек пять, нам же неудобно всем с одной. Адну миску и втарую, вот мы и ели” (АК№1709); “И сами пожилые так, на столе такие чашки большие, с одной чашки. Если дюже много, то на две чашки”.

В богатых семьях для второго ставились отдельные тарелки, хотя в общей среде это нередко вызывало непонимание: “Кажному старцу по подставце”. Повсеместно на Кубани, право первой ложки принадлежало только главе семьи: “Если только сели за стол, а столы раньше на всю хату, ну, примерно челавек восемнадцать сесть, пакуда старший не вазьмёт лошку, и не начнёт йисть, никто, даже вот такое дитё не будет йисть. [...] Он первый черпанул, патом берите все” (АК№3570); “Гаварили так, первую лошку отец берет, втарую, третью, а после третьей тада все” (АК№2221); “За стил силы, пэрвый, як закон - батько брав”.

После того как отец взял первым, к еде приступали все члены трапезы, при этом соблюдая порядок старшинства: “[Отец] берет лошку, зачерпнул, кусочек хлеба под лошку, мать берет точно так. А маленький же сидит, ему не терпица, и вот па очереди ани пашли, каждый па старшенству в чашку опускает лошку, а маленький не терпит, хватает. Он ему лошкой раз по лбу, он ево понял, он больше не полезет в чашку без очереди”

Можно выделить два вида наказания детей за неправильное поведение - удар ложкой по лбу, и наиболее строгое - изгнание из-за стола. Основные нарушения застольного этикета можно продемонстрировать примерами: “Заварочился, или таропися, с лошки течёт, предупреждает сразу, а

второй раз - лошкой стукнет”; “И никада ты не папнёшси на другую сторону чашки, если чашка большая, черепяные были чашки, и не папнешси пад тваю сторону я не палезу. А хватаешь, щас же лошкой па лбу” ; “Лошкой еси зачепишь густийшэ, вин [отец]: “Нэ вылавливать!”; “Вставать - нэ встають, и воды никогда нэ напьеса, як тэпэрь кушают и воду пьют, этого строго нэ давали”; “За столом хто заговорэ - так и в лоб лошкой схватэ [...]. Йисты мовчы - это строго настрого. А вжэ здорови булы, а смих нападэ, так попадэ лошкой”; “Хоть бы одын так по всий миски, тико бия сэбэ бэрэш и йишь, и ны дай Бог заторохтив лошкой”; “И чашка стоит здорова, и успевай тока з нэи тягать. И вот я закапризничая, хто-то там мэни товкнул, хто-то другой, и я раскапризничалась – мэни йисты нэ дадут. Нэ йила там, нэ успила там, больше тоби не дадут. Хочь до обед будэш голодна, хочь до вэчира, хочь ты плачь, хочь шо. И от это научили на всю жизнь. Научили, шо знай врэмья йисты”.

То есть к нарушениям этикета, помимо игнорирования старшинства, можно отнести: смех и разговоры за столом, нерегламентированный выход из-за стола, спешка, непоседливость, избирательность в еде, неаккуратность.

Особо относились во время обеда к разделу мяса и в частности курицы между членами семьи. Это распределение выполнял отец: ““Господы благословы” - а потом рижэ [...]. Батькови голова, батько всиму голова. Дивчатам крыльця, шоб воны литалы, хлопцам ножкы, шоб воны бигалы. А матэри шо прыйдэца”; “Ему [отцу] мясо попадало пэрвому, дитям остача, а нам пшик - кобылка гола з курыци. [...] У мэнэ кума, вже як вси выросли диты, каже: “Ну, кума, хочь тэпэрь тоби мяса остаеця”; “Первая булдыжка - старшему или атцу, или деду. А самый каму достаёца - эта женскаму персоналу, асобенно вот жена, невестка, эта им вот гарбушки, кадык и гарбушки”. Заканчивалась трапеза молитвой: “Устаем, пазавтракали или паабедали и молимся Богу: “Спасибо Богу, Матери Божьей, всем Святым за хлеб, за соль. Царства Небесное дедушкам, бабушкам. А папе с мамой дай Бог здаровья”.

Встречается и обязательный поклон родителям после еды, и целование руки отцу: “Раньше було челом бьешь папаши, маме. А папаше обязательно бьешь челом, ну вроде як здоровкаешся и в руку цилешь, обизательно после еды, обизательно, благодарение» . Вечером после ужина в больших семьях глава семьи проводил “совет”, то есть распределение между членами семьи обязанностей и работ на следующий день: “Вот как вечером, вечерний был совет. Вот ужинали и патом саветывались - кто чево будет делать”. В случае если во время будничного приема пищи заходил кто-то из знакомых или соседей, то следовал ритуальный обмен приветственными формулами (гость-хозяин): “Хлеб да соль” - “Спасибо, и вам за стол” (АК№3595). В старообрядческой следе: “Ангел за трапезой” - “Невидимо предстоит”. Несмотря на то, что предложение присоединиться к застолью было обязательным, случайный гость должен был отказаться, или ограничивался чаем. Таким образом, вышеизложенный материал позволяет говорить о том, что пространственно семейная повседневная трапеза была изолирована, закрыта от посторонних, при этом все действия участников согласовывались с главой семьи, управляющим застольным ритуалом.